

основанием наших дружеских отношений. Мы встретились с ним через 35 лет, когда он был уже известным, крупным поэтом, а я профессором-биохимиком и физиологом. Оказалось, что Максимилиан Александрович хорошо помнит далекую картину из юношеских дней и вполне подтвердил воспоминание.

## **Михаил Дьяконов ГИМНАЗИЧЕСКИЕ ГОДЫ**

Весной 1896 года я поступил в феодосийскую гимназию и вскоре после приема участвовал в чествовании И. К. Айвазовского. А может, это был торжественный парад по случаю коронации. Не помню хорошенько. Пожалуй, первое более правильно. В памяти моей осталась дата семнадцатое апреля, связанная как-то с Айвазовским<sup>80</sup>. Весенних приемных экзаменов в тот год по случаю коронационных торжеств не было, и я поступал в конце учебного года, то есть в первых числах апреля. Айвазовский был попечителем гимназии, и потому гимназия принимала деятельное участие в этом торжестве.

У нас был введен военный строй. Гимназия состояла, кажется, из двух рот, и в каждой были командиры из старшеклассников. У командиров были знаки отличия: зеленые и синие кушаки поверх мундиров. Мое внимание привлекалось ко всему - так все было ново и необычно. Все старшеклассники казались какими-то рослыми, здоровенными молодцами. Среди них выделялся один, очень полный, но невысокий, с курчавыми волосами, более длинными, чем это разрешалось по гимназическим правилам. На гимназисте этом тоже был цветной пояс поверх мундира. Кто-то из сотоварищей назвал мне фамилию гимназиста: "Кириенко-Волошин" (так и потом всегда называли в нашем кругу Максимилиана Александровича). От старшего моего брата, переходившего тогда в шестой класс, я узнал, что Кириенко-Волошин учится в седьмом, то есть переходит в восьмой класс, и является гимназической знаменитостью: он пишет стихи - одно это заставило меня замереть от восхищения, - и стихи эти печатаются в газетах и журналах<sup>81</sup>. С Кириенко-Волошиным очень считаются все учителя и даже сам директор, грозный и великолепный чех, Василий Федорович Гролик. И товарищи талантливого гимназиста, и учителя в один голос твердили, что это будущий стихотворец, поэт "божией милостью".

Конечно, с этого момента я стал взирать на Максимилиана Александровича с особым уважением и трепетом. Прежде всего на меня, как на малыша, вообще действовал авторитет старшеклассника, а во-вторых, я почувствовал чрезвычайное почтение к особе будущего настоящего писателя. В семье нашей много читали, страстно преклонялись перед памятью великих поэтов, и мысль о знакомстве с новым поэтом, быть может, тоже знаменитым впоследствии, была мне невыразимо сладка...

Позднее я услышал, что Максимилиан Александрович - сын вдовы, которая купила участок земли в Коктебеле и обычно живет там. Вдова эта не походит на обыкновенных феодосийских дам - ездит верхом в мужском костюме, сама ведет хозяйство и очень самостоятельна во всех своих поступках. Про Коктебель я знал и не раз ходил через горы со своими друзьями в Двухъякорную бухту, но по малолетству нам никак не удавалось перевалить через южную цепь в Енишары.

---

<sup>80</sup> 71 Трудно установить, в каком праздновании участвовал поступивший в гимназию М. Дьяконов. И. К. Айвазовский родился 17 июля 1817 года. Коронация Николая II состоялась 14 мая 1896 г.

<sup>81</sup> 72 К тому времени, о котором вспоминает М. Дьяконов (весна 1896 г.), было опубликовано лишь одно стихотворение Волошина - "Над могилой В. К. Виноградова" (в сборнике "Памяти Василия Ксенофоновича Виноградова"<sup>81</sup> В. К. Виноградов (1843-1894) - директор феодосийской гимназии. . Феодосия, 1895. С. 50).

Зимой 1896 года наш учитель русского языка и словесности Ю. А. Галабутский<sup>82</sup> выбрал меня в числе пяти маленьких гимназистиков для участия в гимназическом спектакле, который должен был идти, кажется, на Рождество. Перед этим блестяще прошел "Ревизор", в котором, насколько помню, участвовал и Кириенко-Волошин (как будто бы он играл Городничего)<sup>83</sup>, и успех спектакля развил во всех гимназистах стремление сыграть на сцене. Для нас - пяти мальчиков - был выбран тургеневский "Бежин луг" - не инсценировка этого чудесного рассказа, а чтение в лицах всей 2-й части, которая построена на диалоге. Режиссером был назначен Максимилиан Александрович. Он взялся за работу с большим рвением, и я до сих пор помню, как мы часами декламировали и играли в полуосвещенном классе под руководством Максимилиана Александровича. Он изучал с нами каждое слово, каждую интонацию и положил немало труда, чтобы добиться успеха. И успех был! По словам зрителей, хотя и немного пристрастных - ведь это все были родственники и добрые знакомые актеров, - мы, мальчуганы, читали изумительно! Нас вызывали без конца. Максимилиан Александрович все время стоял за кулисами, подбадривая нас, пока мы были на сцене, и дирижировал группой восьмиклассников, изображавших собак. Помните лай сторожевых псов, когда они почуяли волка? Этот лай отлично передавали семиклассники и восьмиклассники, спрятавшись за кулисами. После спектакля наши родные и мы сами горячо благодарили Ю. А. Галабутского и Максимилиана Александровича, а те, в свою очередь, не скупилась на похвалы. ...

Весной 1897 года Максимилиан Александрович кончил гимназию, и я больше его не видел в Феодосии. Спустя два года отца моего перевели на службу в Ташкент. И вот, кажется, в 1900 или в 1901 году Максимилиан Александрович тоже оказался в Ташкенте<sup>84</sup>. Меня он не узнавал при встрече, а я сам по детской скромности и нерешительности не подходил к нему. Старший мой брат, хорошо знакомый с Максимилианом Александровичем, был в университете, и потому связь с Волошиным было не через кого установить. Помню, что Максимилиан Александрович был одет весьма эксцентрично: на нем была широкополая "бандитская" итальянская шляпа, а через плечо шла широкая перевязь с надписью: "Le trovatore!"<sup>85</sup> Обыватели принимали Волошина за иностранца. Что он делал в Ташкенте и для чего туда приехал - не знаю.

... Летом 1932 года я впервые попал в Коктебель. Перед приездом я написал письмо Максимилиану Александровичу, о котором мне рассказывал незадолго перед тем Евгений Иванович Замятин. В Коктебеле мне не удалось повидаться с Волошиным как следует. Максимилиан Александрович чувствовал себя очень неважно, и мне совестно было его тревожить. Мы встретились как-то на берегу, а потом я заходил к Максимилиану Александровичу попрощаться. К несчастью, наше расставание действительно явилось прощаньем: через несколько дней после моего отъезда Максимилиан Александрович скончался...

Во время беседы я напомнил Максимилиану Александровичу о старых гимназических

---

<sup>82</sup> 73 Юрий Андреевич Галабутский (1863-1928) был любимым преподавателем Волошина в феодосийской гимназии.

<sup>83</sup> 74 Постановка "Ревизора" с участием Волошина в роли Городничего состоялась 2 февраля 1896 года. Позднее Волошин вспоминал: "И десятки лет спустя мне доводилось встречать почтенных и апатичных феодосийцев - бывших любителей, когда-то пробовавших свои силы на сцене, которые горько меня упрекали, что я не пошел на сцену: ... "Ваш путь был совершенно ясен. Вам надо было по окончании гимназии поступать в театр" (ИРЛИ).

<sup>84</sup> 75 В Ташкенте Волошин находился с 17 сентября 1900 г. по 22 февраля 1901 г., за вычетом полутора месяцев (с 1 октября по 15 ноября 1900 г.), проведенных в изыскательской экспедиции в пустыне.

<sup>85</sup> Трубадур (искаженное итал.).

годах, и он с живостью заметил, что постановку "Бежина луга" он отлично помнит. Конечно, он никоим образом не мог узнать в своем собеседнике одного из тех маленьких мальчиков, с которыми он возился много лет тому назад.

## **Федор Арнольд СВОЕ И ЧУЖОЕ**

На первом курсе университета познакомился я с друзьями-неразлучниками Михаилом Лавровым, студентом-филологом, сыном издателя "Русской мысли", и с коллегой по юридическому факультету - Мишелем Свободным<sup>86</sup>.

Михаил Лавров, которого товарищи называли "Мигуйлой", - высокого роста, немного сутулый, с крепко сшитой фигурой, с каштановой бородкой, усами и открытым, немного топорным русским лицом, был своеобразным и интересным человеком. Он любил жизнь, верил всем своим существом в ее действенные и вечно обновляющиеся силы и умел украшать ее покровом своей буйной фантазии. Он как бы заставлял пульс жизни биться сильнее. Каждое занятие было священнодействием. Он устраивал все как-то так, что это было интересно и забавно, и заставлял всех принимать невольное участие в этой игре. Так, для рыбной ловли были одни церемонии, связанные с жизнью рыб, о которых он увлекательно рассказывал, подбирая особые удочки; при выпивке, которая называлась "принятие винной пищи", - другие обряды. Поскольку эти церемонии как-то отражали горевший в его душе огонь, они принимались нами с охотой. Каждый при этом стремился внести в них что-нибудь свое - серьезное или шуточное.

Мишель Свободин был поэтом. Его лирические стихотворения встречали одобрение Гольцева<sup>87</sup>, Чехова, Потапенко, позднее очень ценились Горьким и Савиной, которой Мишель посвятил свой стихотворный перевод пьесы "Покрывало Беатриче" Шницлера и которая была дружна с его отцом - известным петербургским актером, умершим на сцене. Еще ранее, учеником старшего класса московской гимназии, он напечатал в "Русской мысли" интересную заметку об этом старинном особняке, его вестибюле и лестнице, где, по преданию, происходили события, описанные в "Горе от ума". Мишель Свободин представлял из себя маленького востроногого человека с немного веснушчатым бритым актерским лицом, в пенсне с широкой тесьмой, с высочайшим, подпирившим голову воротником. Его немного пшютоватая внешность освещалась взглядом серых выразительных глаз, в которых блеснул то юмор, то вдохновение.

Иногда он был язвительен, иногда мечтателен и сентиментален. Наш общий приятель рассказывал мне, что однажды, проходя мимо дома, где жила когда-то любимая им девушка, Свободин благоговейно снял фуражку. Швейцар, стоявший у подъезда, с удивлением посмотрел на него и, в свою очередь, ответил на поклон, сняв картуз. Свободин невозмутимо подошел к швейцару, пожал ему руку и ласково сказал: "Друг мой, есть вещи, которые не следует принимать на свой счет". ...

Во время моего пребывания на втором курсе юридического факультета в университете снова возникли студенческие волнения, в результате которых мы отказались держать экзамены. Когда волнения уже окончились, но двери университета были заперты, Мишель Свободин, с большой, суковатой палкой, так не подходящей к его виду сноба, подошел к этим дверям и принялся их дубасить - Мишель, столь далекий от политики... Но разгадка

---

<sup>86</sup> 76 Лавров Михаил Вуколович (1874-1929) - сын редактора журнала "Русская мысль" В. М. Лаврова (1852-1912). Свободин Михаил Павлович (1880-1906) - сын артиста П. М. Свободина, приятеля А. П. Чехова, поэт-сатирик.

<sup>87</sup> 77 Гольцев Виктор Александрович (1850-1906) - публицист и критик, фактический редактор журнала "Русская мысль".